

Яблоки с неба

Елена Ненастина рисует дворики и улочки
малых русских городов

Общая газета. - 1999,
- 4-10 марта. - с. 14

— НАД ЗЛАТОУСТОМ, окруженным горами, плыла туча. Ударилась в гору — поплыла обратно. Так, наверное, и со мной было. Родилась в Златоусте, а рисовать начала, когда возвратилась в Елец, откуда родом и мама и бабушка. Очень русский, бунинский, теплый — Елец обнял меня, и я, маленькая девочка, прижалась к его груди.

Странное дело: чем дальше жизнь уводила Лену Ненастину от города детства, тем крепче были его объятия. Картины Ненастиной — как счастливые сны, в которых все и призрачно, и реально, будто кто-то из божественного далека машет ей елечкой косынкой — кружевом тончайших узоров-заворов.

— Бабушка была искуснейшей кружевницей. Однажды меня, пятилетнюю, усадила и быстро показала: раз-раз коклюшечками. Через год я уже плела сама.

Закончив в Москве Калининское училище, Елена вернулась в Елец на фабрику — художницей по кружеву. А спустя несколько лет уже в Полиграфическом институте художник и педагог Владимир Косынкин откроет студентке Ненастиной, что именно кружево помогло ей понять одну из тайн творчества художников — тайну пространства.

В ее «Внутреннем дворике» ни души, стнет тишина, но всем существом ощущаешь, что и дома, и деревья, и крылечки — все пространство до краев наполнено жизнью: где-то ходят люди, переключаются голоса, тихо звенит гитара...

— Бывает, пишу в каком-нибудь уголке, а мне говорят: «Вот тут гуляла барыня с собачкой. А вон там была конюшня и каретник...» Ничего похожего уже и в помине нет, но э т о незримо входит в мою картину, и пространство перестает быть просто пустотой между предметами.

Необычайное сочетание цветов на ее картинах, их теплота, волшебство музыка, — все это как бы цвета людей, которые строили, жили, уходили... Но — остались, и самым чудесным образом передают ей свои приветы.

Однажды зимой она работала во дворике, укрывшись от ветра в складочках старого дома, и вдруг окно над ней растворилось, из него протянулась рука с румяным яблоком, и чей-то голос ласково произнес: «Мерзнешь, художница? Вот тебе яблочко. Я его давно берегу, с лета — оно теплое».

Сerpухов. Осень. 1998 г.

— А в другой раз, летом, в Васильевке, куда Бунин к брату ездил из своих Озерок, сижу в садике, рисую. Теплый дождик накрапывает. Смотрю на мольберт, но смутным зрением вижу — какая-то женщина не спеша идет ко мне. Подходит. И вдруг на траву вокруг меня ложатся огромные яблоки — будто падают с неба. Поднимаю голову и вижу лучистые глаза. И это голубое сияние, и запах яблок, и предчувствие надвигающейся грозы заполнило все пространство картины ощущением счастья!

Елена вышла замуж, переехала в Протвино под Серпуховом, родила троих детей (и все они хорошо рисуют). Создала в Протвино детскую художественную школу.

— Скажите, — спрашиваю Лену, — если бы все-таки пришлось выбирать между семьей и искусством, что для вас было бы важнее?

— Для меня все это уже соединено. Может быть, потому, что дети всегда участвовали в моем художественном процессе. И когда я создавала в Протвино детскую художественную школу, они, еще совсем маленькие, были рядом — занимались лепкой, мозаикой, рисунком. И как менялась я, так менялись и дети: Лена родилась, когда я была еще художницей-кружевницей, — потому, наверное, и пишет более реалистично; Маша появилась, когда я уже свой Елец писала, — краски

у нее и теплее, и ярче, и загадочнее; ну а Лешка уже в одиннадцать лет маслом пишет...

Ненастина написала десятки картин из серии «Город детства». И вот я брожу по ее Ельцу — из картины в картину, гдеходишь в дверь дома, а попадаешь в старый заброшенный сад; или заглянешь в каморочку, увешанную иконами, а на кровати древняя бабушка сидит, о чем-то думает. В этом городе нет ни начала ни конца. В иных полотнах внезапно открываются стены, маня в таинственную глубину, откуда льется свет.

— «Город детства» — это прорыв в то время, когда Елец и в самом деле был для меня живым существом. А недавно, приехав в Елец вновь, зашла в полуразрушенный храм Михаила Архангела: двери и окна выбиты, и взгляд со стен, на которых догорают старые росписи, переходит сразу в природу, в город — фрески и современная жизнь как бы сливаются. А когда вышла, деревья (они в Ельце огромные, сходятся кронами) казались колоннами храма, стены домов — как облупившиеся фрески и весь Елец — как огромный собор. И тогда возникла идея картины: персонажи фресок оживают и выходят в город; а люди, которые живут в домах, — отражаются на стенах этих домов, как на фресках...

Леонид ЛЕРНЕР